

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-16-27

УДК 801.733

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА «ПУТЕШЕСТВИЕ В КЯХТУ ИЗ КРАСНОЯРСКА»

Н.А. Бурмакина (Красноярск, Россия)

Т.В. Мамаева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Филологический анализ текста «Путешествие в Кяхту из Красноярска», который был опубликован в Енисейском альманахе 1828 г. за авторством А.П. Степанова с литерой S, предпринят с перспективной целью сопоставительного анализа другого текста XIX в. «Рассказы сибиряка», принадлежавшего В.И. Соколовскому, племяннику А.П. Степанова.

Цель статьи – анализ языковых средств разных уровней, которые создают идейно-художественное своеобразие текста XIX в. «Путешествие в Кяхту из Красноярска» и определяют его авторские стилистические особенности.

Методология (материалы и методы). Исследование проведено в рамках комплексного филологического анализа художественного текста с использованием метода направленной выборки, метода семантико-стилистического анализа художественного текста, контекстуального метода, элементов количественного анализа.

Результаты исследования. Охарактеризована система художественных средств и приемов, которые формируют образный строй произведения «Путешествие в Кяхту из Красноярска», выражающего его идейное содержание, описательно-повествовательную манеру автора, следующего в традиции популярного в конце XVIII и начале XIX в. жанра путешествия. Отмечаются употребление разноплановой лексики (устаревших слов относительно с современным русским языком, книжной лексики, церковнославянизмов, географических названий), размеренный тон повествования. Стилиевая принадлежность текста являет собой комбинацию художественно-эпистолярного с элементами официально-делового стиля.

Ключевые слова: *филологический анализ текста, идейно-художественное своеобразие текста, стилистические особенности, система художественных средств.*

Постановка проблемы. Филология всегда рассматривалась как наука понимания, прежде всего понимания текста. Именно текст служит в ней основным объектом изучения и интерпретации, именно он требует активности восприятия и от читателя, и от исследователя, говорит Н.А. Николина в своей работе, посвященной филологическому анализу текста [Николина, 2003, с. 15]. В методическом пособии под редакцией Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина для целостного филологического анализа текста предлагается использовать в исследовании текста три единства: лингвистический, стилистический и культурологический анализ, которые во всей полноте продемонстрированы в классических работах ученых-теоретиков М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Н.М. Шанского и др.

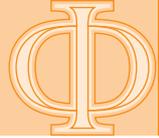
Сложность структурной, семантической и коммуникативной организации текста, его соотнесенность как компонента литературно-эстетической коммуникации с автором, читателем, обусловленность действительностью и знаковый характер являются причиной множественности подходов к его изучению. Л.Г. Бабенко предлагает выделить следующие подходы к изучению текста:

- 1) лингвоцентрический (аспект соотнесения «язык – текст»);
- 2) текстоцентрический (текст как автономное структурно-смысловое целое вне соотнесенности с участниками литературной коммуникации);
- 3) антропоцентрический (аспект соотнесенности «автор – текст – читатель»);
- 4) когнитивный (аспект соотнесенности «автор – текст – внетекстовая деятельность») [Бабенко, Казарин, 2004].

В исследовании мы ориентируемся на лингвоцентрический подход. Его логика основана на изучении функционирования языковых единиц и категорий в условиях художественного текста. Предметом рассмотрения при таком подходе могли быть как лексические, так и фонетические, грамматические, стилистические единицы и категории. Предметом лингвистического анализа художественного текста является его языковая организация: связи и отношения языковых единиц на разных уровнях, выражающих определенное идейно-художественное содержание произведения. Лингвистический анализ художественного текста предполагает изучение его языковой организации в соотнесенности с содержательным планом текста [Щерба, 1957]. Выполняя филологический анализ, мы учитываем стилистические подходы Н.М. Кожиной [Кожина, 1983] и ориентируемся на триединство (лингвистический, стилистический и литературоведческий анализ), выделенное Н.С. Болотновой [Болотнова, 2009], в основе такой точки зрения стоят аналитические разработки Н.М. Шанского [Шанский, Махмудов, 1999].

«Путешествие в Кяхту из Красноярска» впервые было опубликовано в «Енисейском альманахе на 1828 год», в подготовке которого А.П. Степанов принимал непосредственное участие. Намечена дискуссия относительно авторства «Путешествия в Кяхту из Красноярска»: утверждено, что письма принадлежат первому Красноярскому губернатору А.П. Степанову, однако есть гипотеза, что эти письма – творение молодого поэта (племянника губернатора) В.И. Соколовского. При работе над нехудожественными текстами В.И. Соколовского обнаружена характерная особенность этого автора, а именно литера S, которой автор помечал свои документы. Вся трудность заключается в том, что фактически исторического подтверждения прав того или иного деятеля не сохранилось, поэтому мы предпринимаем попытку начать последовательно проводить филологический анализ каждого текста.

Анализ текста проводится по следующему изданию: S. Путешествие в Кяхту из Красноярска / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск [на обороте тит. л.: М.: Типография С. Селивановского, 1828]. С. 1–98 пер. сч.

Особое внимание стоит уделить графике и фонетике представленных писем. Как говорилось ранее, «Путешествие в Кяхту из Красноярска» было опубликовано в 1828 г., дореформенное написание мы можем проследить в свидетельствующих словоформах прилагательных в форме родительного падежа с безударным последним слогом: *расположенныя*; *рогатаго*; *прекраснейшия*; *подбеленныя*; *светлыя*; *чистыя*; *прекраснаго*; *освещеннаго*; *большаго*; *местнаго*; *различныя*; *аукционнаго*; *Высокомонаришаго*; *всякия*; *необходимыя*; *обширнаго*; *фабричныя*; *особеннаго*; *суконнаго*; *каменныя*; *надлежащаго*; *белаго*; *надлежащаго*; *зеркальнаго*; *фламскаго*; *обширныя*; *практическия*; *главнаго*; *прекраснаго*; *общественныя*; *целаго*; *крупнаго*; *покрытыя*; *почтоваго*; *окружающия*; *приятнейшия*; *особенныя*; *похожия*; *Русскаго*; *богатаго*; *всякаго*; *торговья*; *Китайскаго*; *солдатския*; *застроенныя*; *определятельныя*; *торговья*; *обоюдныя*; *ровныя*; *внутреннаго*; *чёрнаго*; *серебреной таз*; *зелёнаго*; *фаршированныя*; *кирпичнаго*; *шёлковыя*; *прелестныя*; *похожаго*; *союзнаго*; *бронзовыя*; *малейшаго*; *слабаго*; *бумажныя*; *аллегорическаго*; *рисовальнаго*; *Аполлона Дельфийскаго*; *священныя*; *довременнаго*; *чудесныя*; *властительнаго*; *красныя*; *великия*; *тусклыя*; *белыя*; *толстыя*; *малыя*; *литыя*; *сарачинскаго* *пишена*; *человеческаго*; *безчисленныя*; *гусинаго*, – общее количество которых составляет 82 единицы.

Большинство устаревших местоимений, таких как: *сей*; *оный*; *ея*; *оного*; *коих*; *кой*, носит подчеркнуто книжный характер, и обращение к ним стилистически мотивировано.

С точки зрения грамматики наше внимание привлекает числовое соотношение лексики, а именно приоритетная роль именной лексики. Глагольные словоформы (количеством 772 единицы), их числовое соотношение наименьшее, указывают на достаточно динамическое развитие событий и смены обстановки. Существительные (2595 единиц) и прилагательные (899 лексических единиц) доминируют в тексте, определяя его размеренную тональность.

«Путешествие в Кяхту из Красноярска» написано в эпистолярном жанре в форме трех писем, адресованных писателем к другу, имя которого на протяжении всего текста так и не встречается:

Не смотря на то, любезный друг, что деревни, расположенныя на большой дороге в Восточной Сибири, довольно велики, опрятны и даже не в дальнем расстоянии одна от другой, так, что между почтовыми станциями можно встретить две и три; не смотря на то, что видишь в обширных выгонах большие табуны лошадей и стада рогатаго скота; что жители имеют прекраснейшия избы, всегда подбеленныя, светлыя и чистыя, что житницы их всегда наполнены хлебом – не знаю, все как-то здесь отзывается пустынею (S, с. 1).

В первом письме автор в виде *путевых заметок* повествует обо всем увиденном в мельчайших подробностях по пути в Кяхту. В частности, о быте небольших промышленных сибирских городков, суровости климата и устройстве фабрик:

Капитал Тельминской фабрики заключается в 434, 194 рублях. Всё производство ея обеспечивается со стороны важных для нея материалов следующим

образом: кочующие в Иркутском, Верхнеудинском и Нерчинском округах и на острове Ольхоне, Буряты и Тунгусы, доставляют в изобильном количестве шерсть (S, с. 5).

Люди сии довольствуются безденежно от фабрики, на счёт выделяемых сукон, провиантом. Жалования за работу получают от 60 до 500 рублей в течение 10 работных месяцев. Женщины выработывают от 2 ½ до 3 рублей в месяц. Г. Платонов построил шерстомойный двор, каменное помещение для расправки в зимнее время сукон, помещение для зеркального производства, помещение для беления пряжи и выделки фламсакого полотна и магазин для хранения пеньки (S, с. 5).

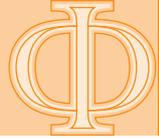
Второе письмо повествует о китайской культуре, правителях и частично о восточной кухне. В третьем письме говорится о возвращении автора в Сибирь через Бурятию, где упоминается устройство молитвенного алтаря буддистов:

...В 40 верстах от Селенгинска, за хребтом гор, в степи безлесной на берегу озера Гусинаго... церковь с деревянными четверугольными столбами, между которыми от одного до другого протянуты скамьи, на помосте разбросаны подушки и тюки для молельщиков. Между серединою и святилищем, которое отделено завесою, стоит престол со свечами и курильницами... (S, с. 90).

Позиция автора выражена отчетливо в комбинации таких функционально смысловых типов речи, как описание, повествование.

На лексическом уровне весьма показательно соединение лексических средств разной эмоционально-стилистической окраски, значимых для утверждения идеи текста: *приятной музыки, искусной живописи*, (S, с. 1); *человек умный, ревностный* – книжн. (S, с. 2); *совершенной пользе* (S, с. 3); *чистой отделке* (S, с. 4); *неутомимые труды, любезный друг* (S, с. 5); *отличная чистота, прекрасного бульвара* (см. приложение III, с. 6); *неутихаемые ветры* (S, с. 8); *худшие, лучшие, пленительный свет* (S, с. 17); *будущую судьбу* (S, с. 20); *добрые приятели* (S, с. 21), – 16 единиц. Эмоционально окрашенная лексика, выбранная автором, задает положительный тон письмам: *пленительный свет* и *неутихаемые ветры*. Метафоричность языка выступает как один из способов выражения оценки происходящего: *всё как-то здесь отзывается пустынею; Не смотря на то, любезный друг, что деревни, расположенныя на большой дороге в Восточной Сибири, довольно велики, опрятны и даже не в дальнем расстоянии одна от другой, так, что между почтовыми станциями можно встретить две и три; не смотря на то, что видишь в обширных выгонах большие табуны лошадей и стада рогатаго скота; что жители имеют прекраснейшия избы, всегда подбеленныя, светлыя и чистыя, что житницы их всегда наполнены хлебом – не знаю, всё как-то здесь отзывается пустынею»* (S, с. 1–2).

Устаревшей лексики в данном тексте встречается сравнительно немного, а именно: *житница, распря, горница, жирондоль, верста, аршин, лик, слабодка, лохань*; церковных слов – *стихарь*; иноязычных – *кафтан, фуза, Абулгази, Цинь-ван-дао, Шаге-Муни*.

Таким образом, все лексические средства, выбранные автором, носят описательный характер и свидетельствуют об умелом использовании их, в тексте не встречается разговорная или просторечная лексика.

С точки зрения синтаксиса интересна организация текста как законченного смыслового целого, выражающегося за счет различных средств языка: лексических – употребление личных местоимений, местоименных наречий (*затем, потом, тогда*, выполняющих функцию скрепления элементов предложения), морфологических (соотношение видовременных форм глаголов-сказуемых в объединяемых предложениях).

Художественно-эпистолярный стиль проявляет себя элементами официально-делового, представляющего точность, сжатость и однозначность представления фактов о производстве, рабочей силе и последовательности совершаемых финансовых операций: *На реке Тельме был некогда железной завод; опустел и разрушился. Купец Бобровский в 1751 году, сделавшись владельцем сего места, построил маленькую суконную фабрику, которая от него перешла к купцу Сибирякову; но за долги его была в 1793 году продана с аукционного торгового и куплена в ведение Иркутского Коммисариата за 10 тысяч рублей. В то время фабрика производила в год от 4 до 9 тысяч аршин сукна, посредством 87 приписных душ (S, с. 6); Тканье производится на 57 самолетных и на 11 простых двуручных станах. Из выделяемых 62 тысяч аршин сукна 50 тысяч доставляются (S, с. 14).*

Рабочих людей по единоделению употребляется:

Взрослых... 257

Мальчиков... 57

всего 314 муж. пола (S, с. 15).

«Путешествие» вызывает у читателя ответную лирическую эмоцию, эстетическое чувство сопричастности путешествию. Текст отражает воплощенные в словесно-художественной форме характеристики и оценки описываемой действительности. Письма адресованы обобщенно-личному субъекту. Художественно-образная конкретизация эмоционального состояния «лирического героя» выражается за счет эмотивной лексики: *приятность* (S, с. 3); *веселыми кликами* (S, с. 4); *ревностный* (S, с. 6); *удивление* (S, с. 12); *страшные* (S, с. 19); *спокойствие* (S, с. 22); *дружелюбие* (S, с. 34); *дружелюбие охладело* (S, с. 34); *люблю* (S, с. 48).

Текст отражает динамику чувств: часто восхищение или удивление героя, используется этикетное обращение к любезному другу: *Признаться, любезный друг, приятно быть обманутым, как я обманулся на счёт всех заведений здешняго края; приятно за 6 тысяч вёрст от столицы, в Восточной Сибири встретить не только колыбель промышленности, но и такую степень ея совершенства, которая со всею вероятностию заставляет надеяться в скором времени увидеть её на ряду с тою, которая существует в средоточии Государства (S, с. 5).* Организация текста проникнута уважением и восхищением перед отдельными лицами, о которых повествуется в письмах.

«Путешествие» оказывает сильное эстетическое воздействие на адресата, вызывая ответную лирическую эмоцию: *Часто случается слышать в разговорах и читать в книгах о знаменитом фарфоре Китайском: однако же я не видал ни одной вещи, в которой бы глина была чище Саксонской. О рисовке нечего и говорить: она мила по своей странности; относительно же колеров, столь превозносимых – право не знаю – а кажется, наши лучше. Формы не имеют никакой правильности новых времён и изящества древних Греков и Римлян; кажется всё выкопано не из Геруклана, а из Чудских могил Енисейской...* (S, с. 63).

Характер адресата связан с обращением к некому другу, обладающему необходимым уровнем духовной и языковой культуры, способному понять данное послание: *Итак скажешь ты мне: твоё путешествие было приятно. ...Остановитесь, прошу вас; позвольте не думать о будущем и дайте наперёд образумиться от настоящего путешествия...* (S, с. 97–98);

В правом приделе на возвышении сидит Хо-шень, дух огня: лицо и руки красные; одет бронёю, в правой руке мечь, в левой сосуд с огнём. Рядом с ним Ньюван, князь и покровитель скотоводства, поддерживает конец бороды правую рукою, в левой Жуи. В правом приделе перед сими кумирами поставлены столы для жертвоприношений, и возле каждого кумира находится резное изображение фигуры предстоящей (S, с. 79–80).

Письменная форма речи представляет собой индуктивное повествование с выводами в конце каждого письма: *Признаться, любезный друг, приятно быть обманутым, как я обманулся на счёт всех заведений здешняго края; приятно за тысячи вёрст от столицы, в Восточной Сибири встретить не только колыбель промышленности, но и такую степень её совершенства, которая со всею вероятностью заставляет надеяться в скором времени увидеть её на ряду с тою, которая существует в средоточии Государства* (S, с. 20) – письмо первое.

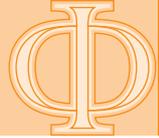
После обеда мне хотелось-было побродить по лавкам или фузам; но устал и поздно. Прощай, мой друг, до будущей почты (S, с. 55) – письмо второе.

Стилевые черты монолога лирического героя отражают:

а) образность, способность создавать представления о реалиях современного мира той эпохи: *...а также растение называемое по Китайски в переводе благословенная ручка. Его не едят: но только от времени до времени берут в руки и нюхают, услаждая тем своё обоняние: запах сходен с лимонным* (S, с. 46);

б) эстетически направленную экспрессивность, обусловленную системой изобразительно-выразительных средств, обозначающих нравственно-этические понятия: *дума, красота, польза, усердие, совершенство, мечта, жизнь*, называющие движение природы: *снежные берега, река даже не струится, вершины венчались лиственницами, белели покрытые снегом горы;*

в) эмоциональность (употребление книжных средств и эмоционально-оценочной лексики): *приятной музыки, искусной живописи, здание великолепное, приятную наружность, великолепное селение, правильной улицы, величайшие залы, веселыми кликами* (S, с. 1); *человек умный, ревностный* (S, с. 2); *совершенной*

пользе (S, с. 3); *чистой отделке* (S, с. 4); *неутомимые труды, белый песок, любезный друг* (S, с. 5); *отличная чистота, прекрасного бульвара* (S, с. 6); *неутомимые* (S, с. 7); *неутихаемые ветры* (S, с. 8); *высокое подножие, худшие, лучшие, пленительный свет* (S, с. 17); *будущую судьбу* (S, с. 20); *добрые приятели* (S, с. 21) – отражает высокую идейную направленность путешествия и его взволнованную эмоциональную тональность;

г) многостильность окраски языковых средств (наряду с нейтральными словами в тексте используется стилистически маркированная, как уже отмечалось).

Среди языковых примет стиля частотны используемые:

– олицетворения: *вершины венчались лиственницами* (S, с. 24); *подножие опуталось розовыми цветами крупного багульника* (S, с. 24); *белели покрытые снегом горы* (S, с. 25); *...луч его блеснул через высоты и распростёрся мгновенно по гладкой поверхности Байкала, тогда – тогда, любезный друг, запылали все предметы меня окружающие, небо, горы и вода!* (S, с. 25–26);

– эпитеты: *лазурная, жемчужная, пушистые снега, рубиновая поверхность, парчовые наметы, берилловые кристаллы льдин, радужный перламутр*;

– риторические вопросы: *Мне хотелось видеть храм языческий – нечто, может быть, подобное знаменитым храмам древности, ежели не по великолепию (ибо где его искать в маленьком торговом городке), то по крайней мере по религиозным установлениям. Не озарит ли что-нибудь понятия моего о жертвеннике Юпитера Аммона или Аполлона Дельфийского?* (S, с. 70); *Ваша Религия допускает ли существование Бога брани, Бога мира, бога ада и моря?* (S, с. 72); *Что делать?* *любезный друг* (S, с. 89).

Все это служит средством эмоционального и смыслового усиления индивидуального эстетического видения мира автора, позволяет читателю приобщиться к нему.

Образ автора автобиографичен, целью текстовой деятельности является рассказ о путешествии, жанр которого был весьма популярен в конце XVIII в. Автор-повествователь проявляет себя как путешественник-сентименталист.

Как говорилось ранее, «Путешествие в Кяхту из Красноярска» опубликовано в «Енисейском альманахе на 1828 год», авторство которого поставлено под сомнение. Путевые заметки писателя о поездке из Сибири в Кяхту приходятся на 1828 г. В «Путешествии в Кяхту из Красноярска» мы наблюдаем неподдельный интерес писателя к восточной культуре, жизненному укладу и философии буддизма. Все это красочно и подробно описывается в письмах к *любезному другу*. Для анализируемого эпического текста характерны описательность, психологизм, номинативность, прозаическая организация речи, монологизм.

Произведение относится к жанру *путешествия*, расцвет и популярность которого приходился на конец XVII – начало XIX в. На смену классицистической школы в этот период приходит сентиментализм как литературное направление. Первые работы в жанре путешествия: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина.

Социокультурный тип проблематики текста, пейзажные зарисовки с естественной последовательностью фактов, выраженный sentimentalный пафос позволяют говорить о некой умиленности и витиеватости слога: *Рубиновая поверхность восточного хребта предваряла уже о скором появлении солнца; но когда первый луч его блеснул через высоты и распростёрся мгновенно по гладкой поверхности Байкала, тогда – тогда, любезный друг, запылали все предметы меня окружающие, небо, горы и вода! Ежели бы я был живописец, или твой любимый Пушкин, то, может быть, имел бы силы сообщить понятие о том явлении, которое мгновенно озарило меня, о парчовых наматах покрывающих горы, о берилловых кристаллах льдин, разбросанных колоссальными штуфами по трещинам озера; о том радужном перламутре, который покрывал всю поверхность Байкала; но я не в состоянии в сём случае совершенно удовлетворить тебя; скажу только, что в два с половиною часа перелетел 60 вёрст через озеро, что быстрые неутомимые кони с маху перескакивали трещины, где струилась вода, шириною в полтора аршина, и доставили наконец меня невредимо в Посольский монастырь – первую станцию по ту сторону Байкала (S, с. 26–27).*

Общая эмоциональная тональность произведения жизнеутверждающая, окрашенная восторженными отзывами автора, с выраженными образами восточных скульптур: *В левом пределе от входа на возвышении сидят два разных кумира: Цей-шень, Дух счастья, с чёрною бородою и усами до пояса; он держит в руках кубак/н или Жуи. Другой Ма-ван, князь или покровитель коней; он изображён с шестью руками: две обыкновенныя вооружены луком и стрелою, так, что левою придерживает лук лежащий на левом колене, а правую упирает острие стрелы на лук; две поднятые кверху из-за плечей держат крестообразно мечи над головою; и наконец в одной из двух, выходящих от крестца и распростёртых в обе стороны находится печать (знак властительнаго достоинства); а другой зеркало. – Кротость изображается на лице духа, и ярость на лице покровителя коней; первый в мирной одежде, а другой в воинственной (S, с. 78–79).*

Или: *Го-ан-ди, в честь котораго воздвигнут храм, был человек, оказавший великия услуги отечеству и подвергшийся во время жизни своей великим несчастьям. Он сидит на престоле, облечённый в голубую одежду; лице имеет золотое; в руках держит Жуи, на который с благоговением вперены взоры его: – сим изображаются обеты, приносимые Богу. У ног его фиал со святою водою; во семь знаков изображающих достоинство жертв; четыре подсвечника, четыре чаши и неугасимый светильник (анн), который во тьме освещает изображение Го-ан-ди и двух ужасной велечины Драконов, извивающихся по разным направлениям снизу в верх и составляющих своды над кумирами. Тускляя зеркала, расположенныя на высоте, отражая лучь сего светильника, мелькают подобно слабому свету зари восточной между вершинами гор, покрытых мраком (S, с. 80–81).*

Художественные особенности путешествия определяются его идейно-тематическим своеобразием, намерением поведать о культурной организации другого государства с его особенным бытом и укладом.

Таким образом, система ярких художественных средств и приемов формирует образный строй произведения, выражающий его идейное содержание. Предприняв попытку проведения филологического анализа текста «Путешествие в Кяхту из Красноярска», мы заметили характерные особенности писателя – употребление разноплановой лексики (устаревших слов, соотносительно с современным русским языком, книжной лексики, церковных слов, географических названий). Приоритетное употребление именной лексики (2595 единиц существительных) и прилагательных (899 лексических единиц) задают размеренный тон повествованию. С фонетической точки зрения наше внимание привлекают словоформы прилагательных с характерным безударным окончанием: *средняго, главнаго, великия, человеческаго*; местоимения третьего лица: *оний, оная*. Такое употребление лексики в письменной речи весьма характерно для конца XVIII – начала XIX в. С точки зрения грамматики наличие экспрессивных синтаксических конструкций, метафоричность языка вырисовывают описательно-повествовательную манеру автора. С точки зрения стилевой принадлежности «Путешествие в Кяхту из Красноярска» являет собой достаточно сложную конструкцию – художественно-эпистолярный жанр с элементами официально-делового стиля. Кроме того, мы отмечаем характерную особенность – использование жанра «путешествия», популярного в художественной литературе конца XVIII – конца XIX в., корни которого восходят к произведению Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768). В нашей стране к этому жанру принято относить произведения: «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (записки в форме писем к друзьям) (1797). В основу писем положено реальное путешествие, которое Н.М. Карамзин совершил в 1789–1790 гг.; «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева; «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина (1829). Отличие «Путешествия в Кяхту из Красноярска» заключается в обращении автора к Востоку, его буддийской философии, культуре бытия монахов, описанию культурных особенностей восточных людей, тем самым проявляется интерес к этой культуре, произведение выделяется из общего фона текстов, посвященных жанру путешествия.

Список источников

1. S. Путешествие в Кяхту из Красноярска / А.П. Степанов // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск. М.: Типография С. Селивановского, 1828. С. 1–98 пер. сч.

Библиографический список

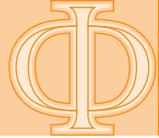
1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. 2-е изд. М.: Флинта, Наука, 2004. 496 с.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта, Наука, 2009. 520 с.

3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
5. Шанский Н.М., Махмудов Ш.А. Лингвистический анализ художественного текста. СПб.: Спец лит., 1999. 319 с.
6. Щерба Л.В. Избранные труды по русскому языку. М.: Гос. уч. пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1957. 582 с.

Сведения об авторах

Бурмакина Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Мамаева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: mamaevatv@yandex.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-16-27

PHILOLOGICAL TEXT ANALYSIS OF THE JOURNEY TO KYAKHTA FROM KRASNOYARSK

N.A. Burmakina (Krasnoyarsk, Russia)

T.V. Mamaeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The philological analysis of the text *Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk*, which was published in the Yenisei Almanac in 1828 by A.P. Stepanov with the letter S, was undertaken with the promising purpose of comparative analysis of another text of the 19th century *Stories of a Siberian*, which belonged to V.I. Sokolovsky, the nephew of A.P. Stepanov.

The purpose of the article is to analyze the linguistic means of different levels that create the ideological and artistic originality of the 19th century text *Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk* and determine its author's stylistic features.

Methodology (materials and methods). The study was conducted as a comprehensive philological analysis of a literary text using the method of directed sampling, the method of semantic and stylistic analysis of a literary text, the contextual method, and elements of quantitative analysis.

Research results. The results of the study lead to the characteristics of the system of artistic means and techniques that form the figurative structure of the work *Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk*, expressing its ideological content, the descriptive and narrative manner of the author, following the tradition of the travel genre popular in the late 18th and early 19th centuries. The use of diverse vocabulary (obsolete words in relation to the modern Russian language, book vocabulary, Church Slavonicisms, geographical names) set a measured tone to the narrative. The stylistic affiliation of the text is a combination of artistic-epistolary with elements of official-business style.

Keywords: *philological analysis of the text, ideological and artistic originality of the text, stylistic features, system of artistic means.*

List of sources

1. S. Journey to Kyakhta from Krasnoyarsk / A.P. Stepanov // The Yenisei Almanac for 1828 by Ivan Petrov. Krasnoyarsk [on the back of tit. l.: Moscow: Printing house of S. Selivanovsky, 1828]. P. 1–98 trans. sch.

References

1. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice. 2nd ed. Moscow: Flinta, Nauka, 2004. 496 c.
2. Bolotnova N.S. Philological analysis of the text: textbook. The manual. 4th ed. Moscow: Flinta, Nauka, 2009. 520 p.
3. Kozhina M.N. Stylistics of the Russian language. M.: Enlightenment, 1983. 223 p.
4. Nikolina N.A. Philological analysis of the text. Moscow: Academy, 2003. 256 p.
5. Shansky N.M., Makhmudov Sh.A. Linguistic analysis of a literary text. St. Petersburg: Spec lit., 1999. 319 p.

6. Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. Moscow: State Academic Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education. RSFSR, 1957. 582 p.

About the authors

Burmakina, Natalia A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Mamaeva, Tatiana V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: mamaevatv@yandex.ru